

Семья Ду отлично понимала: раз уж они решили пустить корни в этой деревне, а Цзинь-эр должен здесь вырасти, нужно быстрее привыкать к местной жизни. Пока Цзинь-эр мал и сидит дома — ничего, но подрастёт — придётся заводить друзей, выходить играть, иначе будет слишком одиноко. Не стоит недооценивать дружбу, что завязывается среди деревенских мальчишек в их возне и драках. Эти ребята вырастут, станут хозяевами в своих семьях, обретут голос. Пройдёт десять-двадцать лет — если что случится, а поддержать некому, будет очень трудно.

Но деревенские пацаны вряд ли станут водиться с тихонями-послушниками или маленькими книжными червями. Для них умение читать-писать не сравнится с лазаньем по деревьям за фруктами или ловлей рыбы в реке. Лишь когда Цзинь-эр начнёт играть вместе с местными мальчишками, он сможет стать частью деревенской жизни. Поэтому, хоть Ду Чжунпин и волновался за сына, он не мешал Дачжу и Эрчжу таскать Цзинь-эра повсюду. К тому же Дачжу был парень надёжный, и это успокаивало.

Весенняя пахота закончилась, в деревне наступило затишье. Ду Чжунпин с Ду Анем решили воспользоваться моментом, чтобы достроить боковые флигели и выкопать колодец, а то через месяц-другой начнётся прополка, снова будет не до того. Но не успели они сами найти помощников, как к ним снова пришли.

На этот раз явился Второй брат Ли, зять старосты, который в прошлом году помогал семье Ду с тёплой стеной. Второй брат Ли был прямодушен, и, как горох из дырявого мешка, выложил всё разом: его старший сын, на два года младше Дачжу, тоже хочет учиться у Ду Чжунпина.

Второй брат Ли раньше возил зерно в город и видел, как тяжело даётся подённый труд. Сам он надрывался целый день, а получал гроши, питался лепёшками с песком да овощными лепёшками. А вот тот приказчик, что сидел в сторонке, щёлкал на счётах, выводил иероглифы, да ещё ему чай-еду подавали — слышно было, платят ему серебром, а не медяками! Сидя на краю кана в доме Ду, он стиснул зубы: «С той самой поры я и задумал сыну приискать место, где бы грамоте учился. Разузнавал, да пути не нашёл, потихоньку и забил. А теперь, помогая шурина, вижу — Дачжу какой стал расторопный, к вам в ученики пошёл. Вот и думаю: отдать бы и моему парнишке поучиться».

Ду Чжунпин не возражал взять ещё одного ученика — одного учить, двух учить, какая разница. Да и Второй брат Ли им прежде помогал. Он тут же кивнул.

Второй брат Ли, кажется, не ожидал такого скорого согласия, замешкался и добавил: «Только семья у нас большая, руки коротковаты...» — и, словно боясь, что Ду Чжунпин передумает, затараторил:

— В страду всей семьёй выйдем помогать, в свободное время тоже за работу возьмёмся...

Ду Чжунпин взмахом руки остановил его:

— Что вы, братец, обо мне думаете? Разве я наживаться на этом пыжусь? Когда мы только сюда прибыли, вы, едва познакомившись, целый день нам помогали. По правде-то, ваш сын мне дядей приходится, — так разве ж учить его не должен? Приводите — научу.

Потом он повернулся к старосте, что пришёл вместе со Вторым братом Ли:

— Сперва не хотел говорить, чтоб не подумали — зазнался: коли в нашей деревне есть ребята, которым грамота в охоту, — пусть приходят. Коли хотят учиться — я учить готов. Это мне, можно сказать, долг перед деревней. Только чтоб лет семи-восьми были, усидчивые, не

озорные.

Староста, такого не ожидавший, замер, затем встал и низко поклонился Ду Чжунпину:

— Позвольте уж мне от всех наших братьев сначала поблагодарить вас.

Ду Чжунпин поспешно уклонился от поклона, промолвил что-то скромное и снова сел.

Староста сказал:

— Большое вы доброе дело делаете. Вы и не представляете — этот Ван Цюань, после того как ваш Ду Ань ему наставил, дорогой ценой управляющего разговорил, чтобы тот счетоводству его научил. На весеннюю службу он, правда, не успел, но раз уж ремесло освоил — дорогу найдёт. А в последнее время в Янчэне торговцев всё больше, лавок всё больше открывается. Парень тот не без совести, восточку передал: много где приказчиков ищут, а коли ещё и грамотный, и речистый — не то что охотнее возьмут, а и платить будут больше.

— Вы этих ребят обучите, года через два смышлёные в город на службу пойдут — куда лучше, чем в земле ковыряться. Таким, как мы, коли небеса немилостивы, урожай не уродится — и семью прокормить трудно. — Староста благодарил искренне: земледелие — дело надёжное, да от неба зависишь, а коли есть иная стезя — на душе спокойнее.

Семье Ду даже не пришлось самим искать людей для строительства и колодца. Как только староста разнёс весть, что Ду Чжунпин не против деревенских ребят учить, многие сами предложили помощь. У кого дети были — те и вовсе наперебой старались. Второй брат Ли оказался самым ретивым организатором. Сам будучи каменщиком, он отлично знал мастеров по кирпичу, черепице, да и плотники у него на примете были. Стоило Ду Чжунпину и Ду Аню высказать пожелание — он тут же с мастерами советовался, как лучше сделать, избавляя семью Ду от лишних хлопот. Некоторые и сами недавно женились, но, подумав, что их дети тоже грамоте обучатся, сил не жалели. Ду Чжунпину и Ду Аню даже неловко стало — старались только в угощении отличиться.

Конечно, находились и такие, кто детей в школу отдавать не хотел. Ребёнку десять лет — уже и свиней покормит, и кур, и в огороде подсобит. Отправишь учиться — полработника лишишься. Сами-то прожили без грамоты — и ничего. Они лишь со стороны наблюдали, как другие вокруг семьи Ду суетятся, — словно зрелище смотрели.

Во дворе из-за строительства стоял переполох, учиться в такой обстановке было невозможно. Ду Чжунпину пришлось вывести детей со двора — подальше от шума.

Чжао Ба, естественно, остался помогать, а Фан Шэна Ду Чжунпин буквально вытащил за собой.

Знакомый с Фан Шэном уже не первый день, Ду Чжунпин заметил, что тот не похож на Чжао Ба и других. И чистоплотнее был, и телесного контакта с людьми избегал. Не то что Чжао Ба — тот, встретив друга, так по плечу хлопнет, что тот аж приседает. С Фан Шэном такое немыслимо. Потому Ду Чжунпин и понимал: Фан Шэну вряд ли приятно видеть, как народ с голым торсом работает.

Семья Ду затеяла построить не только боковые флигели, но и передний дом. Им казалось неудобным гостей сразу в жилые комнаты вести. С передним домом гостей можно будет принимать там, да и детям учиться место найдётся.

Главным по строительству стал Второй брат Ли. Он и кирпич-черепицу закупал, и задачи

между каменщиками, плотниками и подручными распределял. Ду Ань отвечал за расчёты да за харчи для мастеров. Чжао Ба материалом ведал — раз уж закупок много, нужен был человек, чтобы за порядком следил. Хоть народ и по доброй воле помогал, но мало ли — найдётся тот, кто в суматохе что-нибудь прихватит. Надо было, чтобы кто-то авторитетом своим неповадно было.

Посевная только закончилась, свободного времени у всех было вдоволь, потому работа спорилась. Каждый день начинали на рассвете, в полдень отдыхали, а трудились до темноты, оставаясь потом у семьи Ду ужинать. Сперва помогало несколько семей, но потом, прослышав, что в доме Ду, хоть и платы не берут, кормят отменно три раза в день, подтянулись и те, кто ради угощения трудиться готов был. Народу прибавилось, Чжао Ба с Ду Анем с утра до ночи на ногах были, потому Ду Чжунпина, Фан Шэна и Цзинь-эра пораньше со двора выпроваживали. Уходили — дверь на замок, чтоб в суতোлке чего не пропало — всем потом неловко.

Ду Чжунпин не стал детей по чужим дворам таскать, а выбрал просторное местечко. Раздумался — да ведь в центре деревни площадь есть, да ещё и дерево, в тени можно укрыться.

Зима прошла, базар теперь раз в полмесяца собирался, так что в обычные дни там было пустынно — самое место для занятий.

Раз уж вышли, Ду Чжунпин не стал ограничиваться книгами. Показывал детям листья, цветы, каменные скамьи — и тут же учил, как те иероглифы пишутся. К его удивлению, такой подход оказался куда действеннее. Дети, не имевшие никакой основы, куда охотнее учились, когда могли увидеть и потрогать то, о чём идёт речь.

<http://bllate.org/book/16286/1467563>